

М.Н. КОРОЛЕВА, М.А. ЧЕРНОВА

ГОРОДСКОЙ АКТИВИЗМ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КАК РЕСУРС И БАРЬЕР РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ ПРОЕКТОВ

КОРОЛЕВА Мария Николаевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, (m.koroleva.che@gmail.com); ЧЕРНОВА Мария Александровна – координатор социологических исследований Московского центра прикладной урбанистики (maria.a.chern@gmail.com). Обе – Москва, Россия.

Аннотация. В статье изложен опыт взаимодействия городских активистов с представителями власти Москвы и Томска. Выявлены основные управленческие практики, оцениваемые лидерами и инициаторами городских проектов как ресурс и как барьер реализации желаемых изменений в городском пространстве. Теоретические основания исследования – основные положения социологии общественных движений. Рассмотрены особенности городского активизма в современной России, позволяющие говорить о нем как о значимом явлении, требующем всестороннего изучения. Предложены ключевые типы контекстов деятельности городских активистов, формируемых управленческими практиками: открытость, нейтральность, дисфункция, закрытость (противодействие).

Ключевые слова: городской активизм • городские проекты • ресурсы • барьеры • общественные движения • управленческие практики

DOI: 10.31857/S013216250001963-2

С середины XX в. в социологии и урбанистике активно обсуждается участие жителей в развитии города [Lefebvre, 1991; Lefebvre, 1996; Purcell, 2002; Harvey, 2008; Джекобс, 2011]. Активные горожане формируют собственное представление о городской среде, в которой им хочется жить. Они готовы тратить свои ресурсы и привлекать внешние для изменения и развития этой территории. В России гражданский и, в частности, городской активизм за последние годы стал заметным явлением городской жизни [Гражданский активизм..., 2015; Седова, 2014], а некоторые низовые городские инициативы имеют серьезный отклик в медийном поле. Обсуждаемые изменения трудно реализуемы без взаимодействия с представителями городских административных структур, знакомства с их управленческими практиками, которые могут оцениваться активистами как ресурс и как барьер для реализации некоммерческих инициатив жителей по изменению или сохранению городской среды.

Современные городские проекты. В рамках данного исследования внимание сфокусировано на городских проектах, связанных непосредственно с физическим изменением городской среды – с созданием концепций преобразования физического городского пространства и реализацией этих концепций.

Такие проекты возникают по инициативе горожан в результате самоорганизации, активно используют краудсорсинг (вовлечение горожан и сообществ), тяготеют к неформальному устройству и DIY-философии («делаю сам»). Городской активизм может принимать простые внеинституциональные формы, тип и структура субъекта вторичны по отношению к деятельности и ее целям. Репертуар действий активистов может сочетать как созидательные, так и протестные практики (они способны мобилизоваться при остром поводе). Однако в последние годы формируется новый созидательный городской

активизм, нацеленный на конкретные преобразования городской среды вместо политических шагов. Эти особенности нового городского активизма отмечают иностранные [Maenpaa, Faehnle, 2017] и российские исследователи [Российский неполитический..., 2014]. Многие проекты последних лет возникают не в ответ на проблемы, задевающие личные интересы, а в результате осознания необходимости изменений в какой-либо сфере, действий или бездействия властей [Российский неполитический..., 2014]. Они не отвечают на конкретный вызов или кризис, а сознательно объединяются для активистской деятельности, часто не ограничиваясь решением одной проблемы [Žuravlev, 2017].

В России развитие низовых форм гражданского активизма интенсивно происходило с середины 2000-х гг., что было подробно проанализировано в работах отечественных исследователей [Перспективы НКО, 2013; Гонтмахер, Шаталова, 2008; От обывателей к активистам, 2010; Городские движения, 2013; Политика аполитичных, 2014; Российский неполитический активизм, 2014; Седова, 2014; Желнина, 2015; Москалева, Тыканова, 2016]. Примерно с 2010 г. заметно развитие новых форм неформального созидательного активизма, различных неформальных (официально не зарегистрированных) гражданских объединений, сообществ, движений и практик. После этапа политических протестов созидательный активизм переживает приток участников и глубинную трансформацию¹. К 2014 г. существование низового гражданского активизма фиксируется как сложившийся факт жизни российского общества [Седова, 2014: 69].

Новый городской активизм развивается в русле и в логике нового гражданского активизма (неполитического созидательного активизма). Анализируя этот процесс, О. Журавлев отмечает: после 2011–2012 гг. в городской активизм пришли участники митингов, предпочтя решение конкретных локальных проблем «политике ради политики» [Žuravlev, 2017]. Локальный масштаб активизма становится результатом сознательного выбора, своего рода гражданской стратегией. Меняется и представление о локальном пространстве, которое теперь соотносится с понятием сообщества горожан. Также существенным стимулом деятельности участников инициативных групп является тот факт, что потребности горожан в удобном для них городском пространстве зачастую игнорируются представителями власти. Активистские объединения возникают для представления интересов горожан в диалоге с властями и участия в решении городских проблем [Москалева, Тыканова, 2016: 104].

Теоретические основания исследования – ключевые положения основных парадигм социологии общественных движений. В рамках этого направления предложена подходящая оптика анализа деятельности городских активистов, так как она по природе своей близка к общественным движениям (направленность на изменения в обществе и окружающей действительности², в т.ч. городской среде; социальные и городские проблемы как триггер; стремление отстаивать ключевые для активистов ценности), а также контекста этой деятельности, ее барьеров и ресурсов, взаимодействия активистов с другими субъектами в городе.

При описании взаимодействия городских активистов с управленческими структурами мы использовали понятия «ресурсы» и «барьеры», основываясь на моделях мобилизации ресурсов и структуры политических возможностей, разработанных в рамках парадигмы коллективного действия. Подобный интегративный подход был предложен в работе «Социальные условия деятельности гражданских и экспертных групп по улучшению качества городской среды» [Москалева, Тыканова, 2016]. Под ресурсами мы понимаем возможности, которые активисты могут мобилизовать для достижения своих целей.

¹ Новые тенденции подробно проанализированы в статье Центра гражданского анализа и независимых исследований «ГРАНИ» «Российский неполитический активизм» [Российский неполитический..., 2014]. Природу нового «постболотного» активизма исследует Лаборатория Публичной социологии, в том числе О. Журавлев [Žuravlev, 2017].

² Движения понимают как «организованные усилия группы для осуществления социокультурных изменений» [Смелзер, 1998: 605], «совокупность мнений и убеждений людей, которые отражают стремление к изменению социальных институтов или общественной структуры» [McCarthy, Zald, 1977: 1217], источник изменений – социальных, культурных, ценностных, политических, возникающих в связке с общими институциональными изменениями этого времени и формированием новых социально-политических структур (А. Мелуччи, А. Турен и др) [Павлова, 2008].

Внешние ресурсы и воздействующие факторы включают социально-экономические, политические и организационные возможности общества [Здравомыслова, 1993: 70].

Социально-политический контекст деятельности городских активистов и внешние ресурсы раскрываются наиболее релевантным для нашего исследования образом через модель структуры политических возможностей. Ч. Тилли, Д. Мак-Адам, С. Тэрроу и Г. Китчелл рассматривали политические возможности как ресурсы, наличием которых определяется как сам факт возникновения движения, так и формат и эффективность его деятельности, стратегии, внутренняя структура [Здравомыслова, 1993: 75]. Для описания социально-политического контекста городского активизма мы предлагаем интегративную модель, синтез подходов Д. МакАдама и С. Тэрроу. Рассматриваются следующие характеристики политических возможностей:

- относительная открытость или закрытость институциональной политической системы (высокая «степень отзывчивости» к низовым инициативам и их требованиям, или репрессивные меры по отношению к коллективным действиям любого рода);
- стабильность или нестабильность политической системы (элитных групп);
- наличие или отсутствие союзников-лоббистов и возможность их приобретения;
- возможность и склонность государства к репрессиям³.

Отсутствие или закрытие доступа к ресурсам (в том числе, политическим возможностям) – один из барьеров, препятствующих реализации городских проектов. О внешнем контексте деятельности городских активистов говорит и К. Клеман, предлагая свою типологию форм взаимодействия с ними представителей управленческих структур: игнорирование, финансирование, вовлечение инициативных групп в политический процесс на различных стадиях, блокирование информации, манипуляции [Clement, 2015].

Обсуждая внешний контекст активистской деятельности, мы используем понятие «управленческие практики». Под ними в рамках исследования понимается весь спектр взаимодействия управленческих структур власти с городскими активистами – как характеристики сложившихся политических структур, так и целенаправленные действия представителей исполнительной власти на муниципальном, городском или, реже, региональном уровне. Основываясь на приведённых предпосылках, мы полагаем, что управленческие практики могут восприниматься и как ресурсы, и как барьеры при реализации городских проектов. Эта гипотеза легла в основу эмпирического исследования.

Управленческие практики как ресурс и барьер для реализации городских проектов. Результаты эмпирического исследования отражают восприятие городскими активистами управленческих практик как ресурсов и барьеров их деятельности. Информантами стали лидеры и инициаторы городских проектов. **Цель исследования** – выявить управленческие практики власти, оцениваемые активистами как ресурсы и барьеры для реализации городских проектов. **Задачи исследования:** выявить типы деятельности городских активистов и отобрать релевантные проекты; описать типы управленческих практик, с которыми сталкиваются активисты; определить управленческие практики, оцениваемые активистами как ресурс и как барьер для низовых преобразований городской среды. В исследовании, проведенном методом полуструктурированного глубинного интервью, приняли участие 33 информанта (лидеры и инициаторы городских проектов из Москвы – 15 и Томска – 18), время сбора полевых данных – июнь–сентябрь 2017 г.

Выбор площадок проведения исследования репрезентует два типа городов. Москва – мегаполис, где действуют представители всего спектра городских проектов. Томск – крупный областной центр Сибири с численностью населения чуть более 0,5 млн жителей при ежегодном росте, что свидетельствует о его привлекательности. Среди его

³ Узкое понимание модели у С. Тэрроу предполагает включение тех политических возможностей, которые могут быть ресурсами для движений: 1) степень открытости политической системы; 2) степень стабильности расстановки политических сил; 3) наличие союзников движения в рамках политической системы. [Tarrow, 1989]. Д. МакАдам выделял следующие характеристики: 1) относительная открытость или закрытость политической системы; 2) стабильность или нестабильность властного регулирования; 3) наличие союзников; 4) государственные возможности и предрасположенность к репрессиям [McAdam, 1996: 27].

особенностей можно отделить научно-образовательный и инновационный потенциал⁴, уникальную деревянную архитектуру^{5,6}, заметные на уровне страны низовые городские инициативы (ревитализация зданий, средовые фестивали и др.).

В рамках исследования выявлены различные виды активистской деятельности по преобразованию физической городской среды. Некоторые активисты реализовали свои проекты сразу в нескольких направлениях – такие проекты засчитываются в нескольких категориях, но одно направление, в качестве ключевого, используется для шифра проекта. В обоих городах зафиксирована работа активистов в следующих направлениях: физическое преобразование общественных пространств и городской среды – 15; сохранение архитектурного/культурного/исторического наследия – 11; сохранение природной среды (экологические проекты, в т.ч. уборки территории) – 8; проведение тематических городских событий, направленных на физическое преобразование/поддержание/сохранение городской среды – 10; создание сервисов, способствующих решению городских проблем – 4. Большинство инициатив предполагает разработку новых регламентов и программ в отношении городской среды, ее сохранения или изменения.

Так как деятельность всех городских активистов направлена на различные городские преобразования, вследствие чего, они сталкиваются с различными барьерами и используют различные ресурсы, говорить о количестве участников, упомянувших конкретную практику, в рамках исследования не релевантно. Важно было охватить максимально полный спектр городских проектов, а не ранжировать данные по частоте упоминаний. Представленные в статье данные носят скорее иллюстративный характер. Проекты выбирались по рекомендации экспертов, методом снежного кома в среде представителей низовых некоммерческих инициатив, посредством поиска в локальных СМИ.

Далее рассматриваются **основные управленческие практики**, оцениваемые информантами как ресурс для реализации городских проектов. Некоторые из таких практик были причислены информантами к ресурсам в обоих городах проведения исследования.

Риторика представителей власти о необходимости коммуникации с жителями весьма значима и дает активистам возможность заявить о своей позиции: «У нас время от времени президент, или мэр, или кто-нибудь говорит: “Надо прислушаться к общественности”. Тут же чиновники начинают лихорадочно искать, где у них общественность. Если как-то проявить инициативу, то рано или поздно тебя куда-нибудь позовут, начнут прислушиваться» (градозащита, Москва). Однако такую риторику не все чиновники трактуют в пользу общественности, и часто расценивают приказ своих начальников «прислушаться» как необходимость любым способом добиться того, чтобы горожане перестали выражать возмущение, связанное с решениями власти.

Следующим ресурсом, который используют инициаторы и лидеры городских проектов, являются **рабочие группы и комиссии**, участвуя в работе которых, можно лоббировать решения в интересах жителей и формировать свой социальный капитал в среде оппонентов и единомышленников. Лидер одного из московских градозащитных проектов замечает: «Когда сидишь вместе, встречаешься регулярно, понимаешь, что все живые люди, просто очень по-разному мыслим».

Несмотря на распространенное среди активистов мнение о низком качестве работы профильных чиновников, в обоих городах лидеры городских проектов высоко оценивают **эффективность работы некоторых департаментов**. Среди них, например, упоминались Департамент молодежной политики и спорта в Томске и Департамент культурного наследия в Москве.

⁴Томск входит в топ-500 самых инновационных городов мира, по данным ежегодного Глобального рейтинга инновационных городов мира Innovation Cities: URL: <http://www.innovation-cities.com/innovation-cities-index-2016-2017-global/9774> (дата обращения: 21.10.2017).

⁵Томский деревянный модерн вошел в список журнала Forbes «Шесть достопримечательностей России, которые скоро исчезнут»: URL: <http://www.forbes.ru/ekonomika-slideshow/torgovlya/53912-rapayatniki-razvaliny/slide/3> (дата обращения: 21.10.2017).

⁶Согласно недавним исследованиям гражданского активизма (третьего сектора) Центра прикладной урбанистики для ОП РФ, городской активизм в Томске связан с качеством городской среды и сохранением исторической застройки: URL: <http://форумсообщество.рф/исследования> (дата обращения: 21.10.2017).

Самые значимые случаи оценки взаимодействия с представителями власти как продуктивного связаны с **конкретными чиновниками**, обеспечивающими слаженную работу городских департаментов, органов местной власти. Как частный случай стоит отметить работу некоторых московских муниципальных депутатов, которые также являются жителями района, в котором работают, и в силу своей локальной идентичности готовы многое сделать для развития этой территории. «У нас в районе депутат, местный наш парень, в школе со мной учился. Он прекрасно знает все эти места, знает наши проходы-выходы, как все здесь было. И вот во многом благодаря ему депутаты проголосовали единогласно за парк» (общественные пространства, Москва).

Как ресурс также расцениваются практики коммуникации, связанные с **изменением возрастного состава представителей власти**, взаимодействующих с горожанами. Активисты отмечают, что для более молодых сотрудников городских департаментов не характерен способ мышления, зачастую присущий чиновникам старшего возраста (формализм; желание отчитаться, а не решить проблему). Приход молодежи в управленческие структуры существенно облегчает коммуникацию: «легко договариваться», «умеют слушать», «доступны по телефону», «тоже хотят перемен», «отвечают в социальных сетях».

К категории ресурсных лидеры проектов относят ситуации, в которых **власти не препятствуют реализации проекта**, чаще всего это вывоз мусора, восстановление небольшого объекта на территории (например, покраска забора) и другие подобные им преобразования: «полиция нам ничем не мешала, а могла бы, но они были «за»» (общественные пространства, Томск).

Помимо общих ситуаций, когда взаимодействие с властями расценивается как ресурс, в каждом городе проведения исследования есть свои особенности.

В Томске власть (в первую очередь, Департамент молодежной политики и спорта) организует и поддерживает **мероприятия**, способствующие формированию горизонтальных связей среди активных горожан. Также томичи упоминают **открытые грантовые конкурсы**, инициированные властью, в которых удается побеждать в том числе и проектам по изменению городской среды, и отмечают, что таких конкурсов стало больше. Более того, один информант, сообщил: «Мои знакомые, которые отмывали и воровали деньги грантов, говорят, что им стало сложнее это делать, потому что больше информации [о возможности выиграть грант и проведении конкурса] стало». Здесь может играть роль как увеличившаяся осведомленность горожан, большой объем открытой информации о проектах, так и рост количества самих проектов. Кроме того, в Томске существуют городские программы, связанные с преобразованием среды, которые некоторые информанты охарактеризовали как работающие, например, «Мой Томск».

Однако, несмотря на позитивные изменения в управленческих практиках, эффективную работу конкретных людей и департаментов, именно эти практики большинство информантов (30 из 33) описывают как основные барьеры в реализации городских проектов. К самой часто упоминаемой группе барьеров относятся действия чиновников, считаваемые информантами как **незаинтересованность в развитии города** и в качественном выполнении своих должностных задач: формализм (приоритет отчетности над качеством реально выполненных работ), неумение и неготовность использовать весь спектр доступных ресурсов (человеческих ресурсов и физических артефактов в городской среде, сделанных с помощью партисипативных технологий, с вовлечением жителей): «Они [власти] назвали [мероприятие] «Форум сообществ Томской области». Хотели сформировать сообщества учителей, медиков, предпринимателей. Они не знали, что существуют сообщества. Я им объяснил: «Ребята, у вас свыше 600 активных городских субъектов. Если уж заниматься этой деятельностью ради деятельности, давайте помогать реальным сообществам». Они: «О, да, правда? Интересно, но мы уже по накатанной пошли». К этой же группе барьеров, связанных с незаинтересованностью власти во взаимодействии с инициативными горожанами, относятся ситуации, когда исполнители распоряжений высших чиновников не понимают задач или интерпретируют их не в пользу жителей: «Если начальство дало распоряжение сотрудничать с жителями, то его подчиненные будут прилагать все усилия, чтобы сотрудничество минимизировать. Поэтому подчиненные начинают заниматься тем, чтобы нас унять – где-то какую-то уступку изобразить, где-то сказать – «нет-нет, это невозможно, мы вас услышали, – идите ребята» (общественные пространства, Москва).

Еще один яркий пример: «В “Год экологии” нашу организацию уже 5 раз проверяли. Они понимают по-своему: раз “Год экологии”, надо проверить всех, кто занимается экологией. Вместо того чтобы сказать: “Ребята, давайте работайте, может быть, вам чем-то помочь?”» (экология, Томск).

Следующая группа барьеров связана с **дефицитом информации** о легальном поле: о мероприятиях, в которых можно участвовать (в т.ч. конкурсы и общественные слушания, связанные с благоустройством); об ответственных лицах, к которым можно обратиться с проблемой; о том, как устроены городские департаменты – правила их работы, законы, которые они учитывают.

Следует выделить конкурсы и гранты, которые не только намеренно не освещаются, чтобы привлечь как можно меньше внимания, но иногда и вовсе являются фиктивными. Речь идет о ситуациях, когда победитель известен заранее, а те, кто мог бы участвовать, не имеют доступа к информации или получают информацию на этапах, когда уже невозможно подготовить необходимый пакет документов.

Внутри самих управленческих структур существует проблема коммуникации и дефицита информации, что приводит к размыванию зон ответственности департаментов и чиновников, и как следствие – к перекалыванию ответственности на коллег из других органов управления. Проблемой и барьером для реализации проектов является также **отсутствие выстроенных процессов взаимодействия** организаций, причастных к благоустройству.

Отдельная проблема, с которой сталкиваются городские активисты – **бюрократия** во всех ее проявлениях. Негативную роль играет и **неприспособленность тендерных механизмов**, часто не учитывающих необходимость проведения социологических исследований и мероприятий по работе с населением территории, на которой реализуются изменения (например, соучастующее проектирование). Почти все проблемы приходится решать путем личного контакта с чиновниками, что во многом связано с **неэффективностью инструментов обратной связи**: на запросы представители управленческих структур обычно отвечают типовыми формулировками, из которых не ясно, какие шаги следует предпринимать дальше. Поскольку многие эпизоды взаимодействия власти и горожан построены на личном контакте, общим барьером в обоих городах является значительная **зависимость эффективности управленческих структур города от конкретных людей**. Когда люди, с которыми удалось выстроить коммуникацию, покидают свои посты, как правило, взаимодействие с представителями низовых городских проектов прекращается.

Москвичами также были упомянуты некоторые специфические для столицы барьеры: **практика благоустройства территории, ухудшающая ее состояние**. Часто для реализации такого благоустройства используется имитация вовлечения жителей, а иногда и прямой подкуп горожан на общественных слушаниях.

Самым ярким барьером, приводящим к завершению проекта, является **угроза нападения, физической расправы** или прямое насилие в отношении активистов, нередко при бездействии полиции: отказ от защиты при нападении на участников проекта, а затем – отказ в возбуждении уголовных дел.

«Контексты» деятельности городских активистов, формируемые управленческими практиками. Отталкиваясь от упомянутых моделей политических возможностей и мобилизации ресурсов, приняв во внимание типологию видов взаимодействия активистов с представителями власти, предложенную Карин Клеман, мы на основании полученных эмпирических данных предлагаем модель контекстов деятельности городских активистов, которые формируются управленческими практиками представителей властей города.

Категории барьеров и ресурсов раскрываются в нескольких типах контекстов:

1. Открытость. Власти открыты взаимодействию с жителями, а управленческие практики используются активистами как ресурс. Им требуются ресурсы и каналы участия, возможности принятия решений и воздействия на городскую среду; их удается получить при наличии необходимой информации и содействии представителей власти.

2. Нейтральность. Власти игнорируют проект: не препятствуют его реализации, но и не оказывают помощи; не предпринимают действий по вовлечению жителей в принятие решения о развитии городской среды. Городские активисты, в свою очередь, стараются вести свою деятельность максимально автономно, не взаимодействуя с управленческими структурами города или взаимодействуя формально.

3. Дисфункция. В этом контексте осуществляется большая часть практик взаимодействия городских активистов с представителями власти. Имитируется открытость каналов участия, взаимодействия, механизмов взаимодействия при принятии решений при сохранении их дисфункциональности.

4. Закрытость и противодействие. Прямое противостояние представителей власти активным горожанам, часто осуществляемое с привлечением силовых структур. Такие практики не просто сдерживают деятельность городских активистов, как в случае дисфункции, а прямо противодействуют ей.

Крайнее проявление последнего из описанных контекстов – ситуация прямого силового противодействия или угрозы насилия по отношению к активистам – упомянуто лишь московскими информантами. Возможно, барьеры такого рода не характерны для Томска в связи со значительно меньшим населением города и, как следствие, большей плотностью социальных сетей, что способствует эффективности социального контроля. Участнику городского проекта в Томске сложнее угрожать или применять насилие по отношению к нему, так как для его «оппонента» велик риск быть узнанным среди горожан или иметь общих знакомых. В Москве же такие ситуации противостояния довольно распространены.

Ряд барьеров характерен именно для Москвы как для столичного мегаполиса с его социально-политическими и экономическими особенностями. Это связано с наличием больших бюджетов и программ городского развития, усложняющих взаимодействие субъектов и увеличивающих конкуренцию за ресурсы. В Томске проекты по изменению городской среды реализуются реже, поэтому даже незначительные изменения чаще привлекают внимание жителей. Томск – единое муниципальное образование, что, помимо плотности связей его жителей, может положительно влиять на эффективность и скорость достижения желаемого результата при взаимодействии с районной и городской властью. В городе есть представители власти, зарекомендовавшие себя как профессионалы, заинтересованные в развитии Томска и большинству информантов известны их имена.

В качестве продолжения исследования целесообразно провести глубинные интервью с независимыми муниципальными депутатами, недавно избранными в Москве. Это позволит проследить изменение их взглядов на возможность реализации низовых некоммерческих городских инициатив; что они сейчас оценивают как барьеры и ресурсы для городских активистов и какие ограничения в реализации городских проектов они испытывают, став депутатами.

Полученные данные, а также предложенная эмпирическая модель контекстов деятельности городских активистов могут быть полезны для участников городских проектов и помогут им разрабатывать более профессиональные стратегии реализации дальнейших городских преобразований с учетом особенностей взаимодействия с управленческими структурами города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гонтмахер Е.Ш., Шаталова Е.Ю. Общественные объединения нового типа: создание банка данных, анализ и перспективы дальнейшего развития (научный доклад). М., 2008. URL: http://spero.socpol.ru/docs/N9_2008_09.pdf (дата обращения: 21.10.2017).
- Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.
- Ерпылева С.В., Магун А.В. (ред.) Политика аполитических: Гражданские движения в России 2011–2013 годов. Колл. авт. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Желнина А.А. Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 2(78). С. 45–59.
- Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993.
- Клеман К. (ред.) Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Клеман К. (ред.) От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. Коллектив авторов. М.: Три квадрата, 2010.
- Москалева С.М., Тыканова Е.В. Социальные условия деятельности гражданских и экспертных групп по улучшению качества городской среды // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 4 (87). С. 103–120.
- Павлова Т.В. Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 113–124.

- Перспективы НКО в качестве поставщиков общественной пользы: Сводный аналитический отчет. ЦИРКОН, 2013. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/d5d/Perspektivy_NKO_v_kachestve_postavshhikov_obshhestvennoj_polzy.pdf (дата обращения: 21.10.2017).
- Российский неполитический активизм: Отчет о результатах исследования / Центр гражданского анализа и независимых исслед. «ГРАНИ». Пермь: 2014. URL: http://grany-center.org/sites/default/files/files/page/otchet_aktivizm.pdf (дата обращения: 21.10.2017).
- Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71
- Смелзер Н. Коллективное поведение и социальные движения // Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. М.: Феникс, 1998.
- Clement K. Unlikely mobilisations: how ordinary Russian people become involved in collective action // *European Journal of Cultural and Political Sociology*. 2015. Vol. 2. Iss. 3–4. P. 211–240.
- Harvey D. The Right to the City // *New Left Review* 53. 2008. P. 23–40.
- Lefebvre H. The production of space. Blackwell, Oxford, 1991.
- Lefebvre H. Writings on cities. Blackwell, Cambridge, MA, 1996.
- Maenpaa P., Faehnle M. Civic activism as a resource for cities / *Kvartti*, Quarterly 1/2017. URL: <http://www.kvartti.fi/en/articles/civic-activism-resource-cities> (дата обращения: 21.10.2017).
- McAdam D. Conceptual origins, current problems, future directions in *Comparative Perspectives on Social Movements in Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings* / Ed. by *McAdam D., McCarthy J. D., Zald M.N.* Cambridge University Press, 1996.
- McCarthy J., Zald M. Resource mobilization and social movements: a partial theory // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82. P. 1212–1241.
- Purcell M. Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant // *GeoJournal* 58. 2002. P. 99–108.
- Tarrow S. Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest. Cornell Univ. Western soc., 1989. Paper No. 21.
- Touraine A. Le retour de l'acteur. Paris: Fayard, 1984.
- Žuravlev O. Vad blev kvar av Bolornajatorget? En ny start för den lokala aktivismen i Ryssland // *Arkiv. Tidskrift för samhällsanalys*. 2017. No. 7. P. 129–164.

Статья поступила: 30.10.17. Принята к публикации: 21.12.16.

URBAN ACTIVISM: MANAGEMENT PRACTICES OF AUTHORITIES AS RESOURCES AND BARRIERS FOR URBAN DEVELOPMENT PROJECTS

KOROLEVA M.N., CHERNOVA M.A.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Maria N. KOROLEVA, *Cand. Sci. (Soc.)*, Senior Researcher, *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)* (m.koroleva.che@gmail.com); Maria A. CHERNOVA, *Sociological studies coordinator*, *Moscow centre of applied urbanism* (maria.a.chern@gmail.com). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The article reflects the results of research by Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration "Urban projects' adaptive strategies to changes in legislation and management practices". The article is devoted to activism focused on urban realm improvement and its specifics in modern Russia. New terminology is proposed for description of bottom-up constructive activism, its major features are summarized, typology is proposed for activities related to urban realm improvement. The article presents results of the research conducted in two cities: Moscow (capital of Russia) and Tomsk (one of major cities in Siberia). The research is focused on management practices of city authorities affecting activists within their projects. Such practices may become resources as well as barriers for citizens on the way to urban space improvement. The research is conducted through in-depth semi-structured interviews with leaders and initiators of urban projects. Theoretic basis for the research are links to major paradigms of sociology of civil society movements. Such terms as internal and external resources and characteristics of political opportunities are used. Examples of "resource-type" and "barrier-type" management practices are described (according to activists). Specifics of Moscow and Tomsk are highlighted. Major types of contexts for cooperation between bottom-up urban activists and city authorities are suggested: openness, neutrality, dysfunction, closeness (antagonism). Research results can be used for further scientific studies, as well as be practically helpful for urban activists.

Key words: urban activism, resources, barriers, urban projects, social movements, management practices.

REFERENCES

- Clement K. (ed.) (2010). *From Ordinary People to Activists: Arising Social Movements in Contemporary Russia*. Moscow: Tri kvadrata. (In Russ.)
- Clement K. (2015). Unlikely mobilisations: how ordinary Russian people become involved in collective action. *European Journal of Cultural and Political Sociology*. Vol. 2. Iss. 3–4: 211–240.
- Clement K. (ed.) (2013). *Urban Grassroots Movements in Russia in 2009–2012: on the Way to the Political*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.)

- Demakova K. (eds.) (2014). *The Russian Non-political Activism. Report Based on the Results of the Study*. GRANI Centre. Perm: PC "Aster". URL: http://grany-center.org/sites/default/files/files/page/otchet_aktivizm.pdf (accessed 21.10.2017) (In Russ.)
- Erpylyova S.V., Magun A.V. (eds.) (2014) *Politics of Apolitical: Civil Movements in Russia 2011–2013*. Moscow: Novoye Literaturnoye obozreniye. (In Russ.)
- Gontmakher E., Shatalova E. (2008) *Public Unions of a New Type: Making of the Data Base, Analysis and Perspectives*. Scientific report. URL: http://spero.socpol.ru/docs/N9_2008_09.pdf (accessed 21.10.2017). (In Russ.)
- Harvey D. (2008) The Right to the City. *New Left Review* 53: 23–40.
- Jacobs J. (2011). *The Death and Life of Great American Cities*. Moscow: Novoye Izdatelstvo. (In Russ.)
- Lefebvre H. (1991). *The production of space*. Blackwell, Oxford.
- Lefebvre H. (1996). *Writings on cities*. Blackwell, Cambridge, MA.
- Maenpaa P., Faehnle M. (2017) Civic activism as a resource for cities. *Kvartti, Quarterly 1/2017*. URL: <http://www.kvartti.fi/en/articles/civic-activism-resource-cities> (accessed 21.10.2017).
- McAdam D. (1996) *Conceptual Origins, Current Problems, Future Directions in Comparative Perspectives on Social Movements in Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McCarthy J., Zald M. (1977) Resource mobilization and social movements: a partial theory. *American Journal of Sociology*. Vol. 82: 1212–1241.
- Moskalyova S.M., Tykanova E.V. (2016) Social Conditions of the Performance of Civic and Expert Groups Aimed at the Improvement of the Quality of Urban Environment. *Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii*. [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. XIX. No. 4 (87): 103–120 (In Russ.)
- Pavlova T.V. (2008) Social Movements as a Factor Transforming Institutional Environment: Theoretical Issues. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 5: 113–124. (In Russ.)
- Perspectives of NGOs as Providers of Social Benefits* (2013). Analytic report. Moscow: ZIRCON research group. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/d5d/Perspektivy_NKO_v_kachestve_postavshikov_obshhestvennoj_polzy.pdf (accessed 21.10.2017). (In Russ.)
- Purcell M. (2002) Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant. *GeoJournal*. No. 58: 99–108.
- Sedova N.N. (2014) Civic Activism in modern Russia: forms, factors, and social base. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2: 48–71. (In Russ.)
- Smelser N. (2008). Collective Behavior and Social Movements In: Smelser N. *Sociology*. Moscow: Fenix. (In Russ.)
- Tarrow S. (1989) Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest. *Cornell University Western Sociology*. Vol. 21.
- Zdravomyslova E.A. (2013) *Paradigms of Western Sociology of the Public Movements*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Zhelina A. (2015) Reinterpreting the Public Space: Creativity in the City. *Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii*. [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2015 Vol. XVIII. No 2(78): 45–59. (In Russ.)
- Žuraviev O. (2017). Vad blev kvar av Bolornajatorget? En ny start för den lokala aktivisten i Ryssland. *Arkiv. Tidskrift för samhällsanalys*. No. 7: 129–164. (In Swed.)

Received: 30.10.17. Accepted: 21.12.17.